

К. О. Грушевская
МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ ЗДЕСЬ И ТАМ В ЛИРИКЕ А. БЛОКА И
Н. ГУМИЛЕВА (ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Белорусский государственный университет, г. Минск;
grushevskaya.xenia@mail.ru;
науч. рук. – Т. Н. Волынец, д-р филол. наук, проф.

Наше обращение к конструкциям функциональной семантизации местоименных наречий в поэтических текстах А. Блока и Н. Гумилёва обусловлено стремлением сопоставить художественные миры Блока и Гумилёва как представителей символизма и акмеизма, выявить зависимость между литературным течением и характером семантизации дейктических местоименных наречий. Отношения А. Блока и Н. Гумилёва были сложны: источником столкновения двух поэтов был разный взгляд на суть поэтического творчества: Блок считал, что поэт всегда пишет по вдохновению, независимо от своих представлений о том, как слагаются стихи; Гумилёв был убежден в другом: автор обязан работать над своими стихами, чтобы стать настоящим поэтом.

Ключевые слова: дейксис в поэтическом тексте; местоименные наречия; функциональная семантизация; дейктическое значение наречий.

Александр Блок хорошо освоил определение поэзии, данное его первым учителем в поэзии В. Жуковским: «Поэзия есть Бог в святых мечтах Земли». Поэтому для Блока с самого начала его творческого пути стало характерно понимание поэзии как служения идеалу, как стремления к божественному, небесному и всему возвышенному. Для Гумилёва же написание стихов было в своём роде ремеслом, «решением теоремы». О том, что поэзия по большей части была работой, свидетельствует и созданный Гумилёвым «Цех поэтов», объединение, в котором участники считали поэзию ремеслом, имеющим свои правила и законы. В своем манифесте Н. Гумилёв открыто противопоставлял мистическому, туманному символизму конкретику вещественных образов и точность выверенных и взвешенных слов [1, с. 43].

Противопоставленность А. Блока и Н. Гумилёва по идеальности/материальности мира наблюдается и в семантизации местоименных наречий: каждый из поэтов выбирает разные (противоположные) дейктики для реализации своих целей в поэтическом тексте.

Самое частотное местоименное наречие Блока – *там*, референт которого обычно находится в постпозиции по отношению к нему: *Там, за Данией счастливой, / Берега твои во мгле* («Песня Офелии», [2, с. 342]). Или: *А там, далеко, из-за чащи лесной / Какую-то песню поют* («Лениво и тяжело плывут облака...»), [2, с. 80]); *Там, над горой Твоей высокой, / Зубчатый простирался лес* («Сегодня шла Ты одиноко», [2, с. 170]).

За местоименным наречием *там* у Блока может тянуться целый ряд прямых конкретизаторов, которые могут: а) раскрывать друг друга (*Там – в океане – в земном водоеме* («Ее прибытие», [2, с. 626])), б) градуироваться на уровне контекста, расширяя тем самым горизонты нашего видения (*Там – за холмом, за рощей, за долиной – / Мой дом родной скрывается во тьме* («Ночной туман застал меня в дороге...»), [2, с. 754])).

Встречается у Блока и приём семантизации «в квадрате». Происходит она при обстоятельстве *вдали*, дейксис в этом случае выступает в чистом виде: *Там – вдали – морские воды / Схоронили корабли*. («Внемлю голосу свободы», [2, с. 254]). А если к такой семантизации добавляется неопределённое местоименное наречие (*где-то, когда-то*), то неизбежно возникает ощущение нахождения вообще вне пространственно-временного континуума: Ср. *Когда-то там, на высоте, / Рубили деды сруб горючий* («Задебренные лесом кручи...»), [2, с. 129]); *Но уж город, гудя чредою событий, / Где-то там, далеко, начал жить* («Легенда», [2, с. 811]).

В отдельных произведениях А. Блока местоимение *там* используется как композиционная основа, приобретает значение «внутреннего жеста» и окрашивается эмоционально [3, с. 54]. Примером такого употребления может быть *там*, усиленное повтором: *Там – далеко, открыв зеницы... // Там – мать сына не узнает... // Там безнадежно угасает / Мое скитанье – без конца* («Всё отлетают сны земные...»), [2, с. 177]); *Там – светлое окно и светлое молчанье // Там, в полусумраке собора... // Там, в сводах – сумрак неизвестный* («Высоко с темнотой сливается стена...»), [2, с. 665]). В приведенных контекстах слово *там* выступает как композиционный стержень стихотворения. При единоначатии местоименное наречие усиливает связь между строфами и связывает части текста. Кроме того, строфическая анафора является дополнительным ритмическим фактором. По такому принципу у Блока может быть построен весь текст стихотворения: *Там – в улице стоял какой-то дом, // Там открывалась дверь, звеня стеклом, // Там в сумерках белел дверной навес // Там гул шагов терялся и исчез...* («Там – в улице стоял какой-то дом», [2, с. 273]).

Н. Гумилёв, в отличие от А. Блока, меньше внимания уделяет дейктику *там*, его больше интересует местоименное наречие *здесь*, которое и является самым частотным в его поэзии. Дейктик *здесь* часто вводится Гумилёвым в текст после конкретной локализации, выраженной предложно-падежной формой существительного. Иногда это общая локальная рамка всего текста, а иногда – параметры конкретной единичной ситуации в тексте: *Ромул и Рем взошли на гору, / Холм перед ними был дик и нем. // Ромул сказал: «Здесь будет город»* («Основатели», [4, с. 95]).

Кроме того, с дейктиком *здесь* связаны основные режиссёрские и композиционные приёмы Н. Гумилёва. С помощью *здесь* пространство может сужаться и, словно объектив камеры, переводиться с мысли лирического героя на конкретный предмет: *Дальше справа, где рощи густые Сокото, На атлас положу я большой изумруд, Здесь богаты деревни, привольна охота, Здесь свободные люди, как птицы поют* («Нигер», [4, с. 437]). Как мы видим, пространство сузилось – от густых рощ до точки на карте.

Довольно часто у Н. Гумилёва семантический конкретизатор местоименного наречия *здесь* располагается уже в заглавии, в текстах Блока подобные ситуации нами не отмечены. Обычно это наблюдается в стихотворениях, где лирический герой стремится передать свои мысли, чувства, переживания, связанные с каким-либо конкретным географическим местоположением: *Здесь темной думой удручен вожатый, / Здесь зреет хлеб, но лавр уже зачах* («Тразименское озеро», [4, с. 467]); *И лик Мадонн вдохновенный, / И храм святого Петра, / Покуда здесь неизменно / Зияет твоя нора* («Рим», [4, с. 250]). При актуализации семантический конкретизатор может повторяться в тексте: *Я ничего не понимаю, горы: / Ваш гимн поет кощунство иль псалом // Здесь с криками чудовищных глумлений, / Как сатана на огненном коне, / Пер Гюнт летал на бешеном олене. // Не здесь ли Бранд, суровый проповедник, / Сдвигал лавины именем Творца?* («Норвежские горы», [4, с. 316]).

Проводя параллель между дейксисом и функциями заголовка, следует отметить, что и заголовок, и дейктики создают цельность и связность текста, но заголовок – семантическими средствами, обеспечивая логическую связь всего текста, дейктики – синтаксическими, обеспечивая структурную связь [5, с. 78].

Если Н. Гумилёв для создания пространственной рамки лирического произведения в основном использует одиночный дейктик *здесь*, то А. Блок

нередко выстраивает смысловую оппозицию местоименных наречий *здесь/там*. Гумилёв больше пишет о земном, реальном мире, его не влечёт мир высший, он видит красоту в этом мире и в полной мере ощущает его ценность: *В этом мире есть большие звезды, / В этом мире есть моря и горы, / Здесь любила Беатриче Данта, / Здесь ахейцы разорили Троию!* («Отвечай мне, картонажный мастер», [4, с. 498]).

Поэтическому миру А. Блока, наоборот, свойственно тяготение к далёким, открытым, безграничным пространствам. *Там* нередко ассоциируется со свободой, *здесь* – с тем, что привязывает человека к быту и ограничивает полет его фантазии: *Здесь – электрический свет. / Там – пустота морей* («Снежная вязь», [2, с. 654]). В других контекстах *здесь* означает муки и страдания, а *там* – мечты, блаженство, наслаждение: *Но различна Судьба: здесь – мечтанье раба, / Там – воздушной Влюбленности хмель* («Влюбленность», [2, с. 280]).

Итак, дейксис местоименных наречий в творчестве двух поэтов Серебряного века кратко можно охарактеризовать следующим образом: «Гумилёв – это *здесь*, Блок – это *там*». Если для передачи пространственного, ситуативного, временного значения, создания оппозиции реальных и нереальных миров Н. Гумилёв семантизирует местоименное наречие *здесь*, причём разными способами (заглавием, метонимией-синекдохой, целыми конструкциями), то А. Блок разъединяет художественный мир на *здесь* и *там* и противопоставляет эти миры как внутренний и внешний, обыденный и возвышенный, постигнутый и недостижимый.

Библиографические ссылки

1. Гумилёв Н. С. Наследие символизма и акмеизм // «Аполлон». 1913. № 1. С. 42–45.
2. Блок А. А. Избранные сочинения. М. : Худож. Лит., 1988.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
4. Гумилев Н. С. Избранное. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996.
5. Сребрянская Н. А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: Монография. Воронеж : ВГПУ, 2005.
6. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М. : Прогресс, 2000.